

ше знаком и которые чаще видел в книгах или рукописях, и решил разнообразить «поэтическое подношение».

В настоящее время известны только два стихотворения, принадлежащие перу Баландина. Едва ли их станет больше: архивные разыскания не сулят здесь каких-то открытий. Оба стихотворения написаны под влиянием классицизма, причем «это влияние проявляется больше в подражании форме» (предисловие, с. 22). Они интересны как художественно-документальное свидетельство, проливающее свет на некоторые особенности духовно-интеллектуальной жизни российской провинции XVIII века; на особенности стиля непрофессиональных писателей, подражающих высоким литературным образцам.

Одним из источников вдохновения для Баландина при создании первого из стихотворений могли стать оды Ломоносова. Вероятно, провинциального поэта восхищал масштаб личности прославленного ученого. Баландин тщательно копировал внешние атрибуты оды: пышность, орнаментальность стиля, мифологические образы, масштабные, величественные картины природы, восхищение монархическими особами. Также он не без успеха воспроизвел стиховую сторону жанра: четырехстопный ямб, организованный в нужный строфический рисунок. Ритмика баландинской оды характеризуется «рамочным» профилем ударности и типична для XVIII века.

Сочинения Ломоносова могли повлиять и на второе стихотворение Баландина — «Поэму...», хотя и с меньшей вероятностью. Из этих сочинений Баландин мог почерпнуть идею «научной поэзии»: в стихотворной форме изложено, по сути, краеведческое исследование истории Петрозаводска. Сама же эта форма мало соотносится с поэтикой классицизма и теснее связана с досиллабическим стихом начала XVII века. При этом тематика и стиль «Поэмы...» по-прежнему обнаруживают существенное сходство с торжественной одой.

Небольшие и по-своему наивные стихотворения добавляют новые штрихи к личности скромного петрозаводского просветителя, немало сделавшего для сохранения памяти об истории и культуре родного края.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-73-79

© С. Б. Федотова

ЗАМЕТКИ А. С. ПУШКИНА ДЛЯ ПЕРВЫХ НОМЕРОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» (К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ)*

Пушкин был убежден, что «если бы все писатели, заслуживающие уважение <и> доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть».¹ Для этого и была задумана им и А. А. Дельвигом «Литературная газета», выходившая в Петербурге с 1 января 1830-го по 30 июня 1831 года. Роль Пушкина в издании газеты чрезвычайно велика. На ее страницах он опубликовал отрывок из восьмой главы «Евгения Онегина» («Прекрасны вы, берега Тавриды...»), стихотворения «Стансы» («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), «Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул...»), «Стансы» («В часы забав иль праздной скуки...»),

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01616, <https://rscf.ru/project/22-28-01616/>, ИРЛИ РАН.

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1941. Т. 11. С. 90 (статья «<Разговор о критике>», 1829–1830). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

«К**» («Когда твои младые лета...»), «В альбом» («Что в имени тебе моем?...»), «Калмычке», «Арион», «Кавказ», «Мадона», отрывки из «Путешествия в Арзрум...» и «<Арапа Петра Великого>», а также более двадцати критических статей и заметок.

С января по вторую половину февраля 1830 года Пушкин занимался газетой практически единолично. «Не подлежит сомнению, — писал В. В. Виноградов, — что в первые два месяца существования „Литературной“ газеты“ (до 4 марта 1830 г.), когда с отъездом Дельвига и до появления в Петербурге Вяземского Пушкин исполнял обязанности главного редактора (совместно с О. М. Сомовым), Пушкин не только больше всех поместил своих критических статей в газете, но и подверг многое из чужих литературных материалов редакторско-стилистической правке...».²

Автографы многих критических заметок Пушкина, опубликованных в «Литературной газете», не сохранились,³ а те, которые нам известны, в основном находятся в так называемой Первой арзрумской тетради.⁴ Она заполнялась одновременно с двух сторон, при этом записи часто велись в перевернутом (верхом вниз) положении, от конца к началу, — такова обычная практика работы Пушкина в тетрадях. Ряд верных наблюдений о том, когда были написаны статьи для «Литературной газеты», принадлежит Я. Л. Левкович, подготовившей историю заполнения Первой арзрумской тетради.⁵ И все же более пристальное внимание к содержанию заметок и выходу в свет номеров газеты, где они были опубликованы, позволяет сделать некоторые уточнения к предложенным исследовательницей датировкам.

Рецензия на вышедшую анонимно брошюру «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского» опубликована без подписи 1 января в первом номере «Литературной газеты». В тетради она записана на свободном месте листа 18 после чернового наброска стихотворения «Зачем, Елена, так пугливо...», появившегося, вероятно, в начале ноября 1829 года во время пребывания поэта в Тверской губернии.⁶ Время написания пушкинской рецензии устанавливается довольно точно: не ранее 15 декабря (в этот день вышла газета «Русский инвалид» с приложением анонимной брошюры с «Некрологией» Раевскому⁷) и не позднее 30 декабря 1829 года, когда было получено цензурное разрешение первого номера «Литературной газеты». Судя по письмам к цензору К. С. Сербиновичу, во второй половине декабря Сомов начал активно отправлять ему статьи для первого номера,⁸ а в одном из них 23 декабря он сообщал: «Вчера препроводил я к Вам несколько библиографических статей. Сегодня препровождаю одну в „Смесь“».⁹ Скорее всего, речь идет именно о «<О Некрологии генерала от кавалерии

² Виноградов В. В. Пушкин и «Литературная газета» 1830–1831 гг. // Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 423.

³ К ним относятся: «<О переводе романа Б. Констан „Адольф“>» (1829), «„История русского народа“, сочинение Николая Полевого», «Денница», «„Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой“, описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки», «Острая шутка не есть окончательный приговор...» («<Заметки и афоризмы разных годов>»), «Невский альманах на 1830 год», «Англия есть отечество карикатуры и пародии...», «В одной из Шекспировых комедий...» («<Заметки и афоризмы разных годов>»), «Г-н Раич счел за нужное...», «Милтон говаривал...» («<Заметки и афоризмы разных годов>»), «„Собрание насекомых“. Стихотворение А. С. Пушкина», «В газете „Le Furet“...» («<Заметки и афоризмы разных годов>») (все — 1830), «Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme; Les consolations, poésies par Sainte-Beuve» (1831).

⁴ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 841. Далее ссылки на архивную нумерацию тетради приводятся в тексте. Принятое в пушкиноведении название «Первая арзрумская тетрадь» связано с поездкой Пушкина в 1829 году в Арзрум, в действующую армию, куда он взял с собой для работы чистую тетрадь.

⁵ См.: Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841 (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 243–277.

⁶ См.: Там же. С. 264.

⁷ Вскоре брошюра была перепечатана в «Санкт-Петербургских ведомостях» (20–23 декабря 1829 года) и в «Московских ведомостях» (1–2 января 1830 года).

⁸ См., например, его письмо к Сербиновичу от 19 декабря 1829 года (Вацулло В. Э. К истории пушкинских изданий (Письма О. М. Сомова к К. С. Сербиновичу) // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6. С. 294).

⁹ Там же. С. 296.

Н. Н. Раевского»», которая была написана Пушкиным, по-видимому, первой из заметок, когда над ними не велась еще последовательная работа в тетради. Это отчасти объясняет и тот факт, что текст ее был вписан на свободном месте среди более ранних тверских автографов. Таким образом, «Некрологию» можно предположительно датировать временем не ранее 15-го и не позднее 22 декабря 1829 года.¹⁰

В том же номере «Литературной газеты» в отделе «Смесь»¹¹ вслед за «Некрологией» напечатана без подписи еще одна пушкинская заметка — о готовящемся к выходу романе Б. Констана «Адольф» в переводе П. А. Вяземского,¹² автограф которой не сохранился. Известно, что с ее публикацией возникли проблемы. 28 декабря 1829 года Сомов обращался с просьбой к служившему в Комитете иностранной цензуры В. Ф. Одоевскому: «Князь! Господин Пушкин составил для „Литературной газеты“ маленькую заметку, о переводе романа Бенжамена Констана „Адольф“, который князь Вяземский хочет напечатать в Москве; но как наш цензор упорно считает, что названный роман имеется в индексе к списку иностранных книг и по той причине отказывается подписать заметку, я прошу Вас, князь, быть добрым известить меня, действительно ли находится указанный роман в списке запрещенных произведений, и, если это возможно, написать мне несколько строк по этому поводу сегодня же...».¹³ Если допустить, что 23 декабря первой Сербиновичу была отправлена «Некрология», то заметка «<О переводе романа Б. Констана „Адольф“>» могла быть написана не ранее 23-го и не позднее 27 декабря 1829 года.¹⁴ Спешка, в которой решался вопрос о ее публикации, также свидетельствует о том, что заметка была написана в последних числах декабря.¹⁵ Пушкин все-таки успел напечатать ее в первом номере, что было важно для него, поскольку он считал перевод Вяземского «истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы» (11, 87).

Последовательная работа над заметками для «Литературной газеты» в тетради началась с рецензии «Илиада Гомерова, переведенная Н. Гнедичем», напечатанной без подписи 6 января во втором номере. Экземпляр этой книги с дарственной надписью Н. И. Гнедича («Александр Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения от переводчика. 1829, Дек<абря> 23. С<анкт>-П<етер>бург») сохранился в пушкинской библиотеке.¹⁶ Скорее всего, заметка не могла быть написана ранее этой даты. В Арзрумской тетради она находится на л. 29–29 об., а на л. 26 об. над черновым наброском первой строфы последней главы «Евгения Онегина» сверху, в левом углу, имеется дата: «1829. 24 дек<абря>» (в этой части тетрадь заполнялась подряд). Получается, пушкинская заметка написана не ранее 24 декабря 1829 года и не позднее 5 января 1830 года (цензурное разрешение второго номера «Литературной газеты»)¹⁷.

Следующий в тетради лист (л. 30) занят черновиком письма к А. Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 года. На его обороте Пушкин начал работу над новой статьей для газеты — «<О журнальной критике>» (л. 30 об. — 31 об.), опубликованной без подписи 11 января в третьем номере. Пушкинская заметка — возражение на статью «Послание Северной пчелы к Северному муравью», вышедшую 7 января в «Северной пчеле»,

¹⁰ Я. Л. Левкович датирует пушкинскую рецензию «5–29 декабря» 1829 года (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 276).

¹¹ См.: Литературная газета. 1830. Т. 1. 1 янв. № 1. С. 8.

¹² К началу 1830 года перевод романа в целом был завершен, но вышел в свет он только в 1831 году (см.: Констан Б. Адольф / Пер. П. А. Вяземского. СПб., 1831).

¹³ Лит. наследство. 1952. Т. 58. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. С. 92 (оригинал по-французски).

¹⁴ Возможно, текст заметки находился в тетради на вырванном листе между л. 29 и 30 и был написан после рецензии на вышедшую в переводе Н. И. Гнедича «Илиаду» Гомера. Тогда самой ранней из возможных дат написания заметки о переводе «Адольфа» следует считать 24 декабря. Однако доказать этот факт пока не представляется возможным.

¹⁵ В Большом академическом собрании сочинений Пушкина заметка без аргументации датирована «концом декабря» 1829 года (11, 540).

¹⁶ См.: Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 28, № 95 (Пушкин и его современники: Материалы и исследования; вып. 9–10).

¹⁷ Датировка Я. Л. Левкович: «вторая половина декабря 1829 — 5 января 1830» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 277).

в которой анонимный автор (по-видимому, Ф. В. Булгарин) скептически рассуждал о заявленных издателями целях и программе «Литературной газеты». Таким образом, статья «<О журнальной критике>» могла быть написана не ранее 7 января и не позднее 10 января 1830 года, когда было получено цензурное разрешение третьего номера.¹⁸

После окончания статьи «<О журнальной критике>» на л. 31 об. позднее (очевидно, в феврале–марте 1830 года) появился набросок «Франц<узские> критики имеют свое понятие...», явно предназначавшийся для «Литературной газеты», но оставшийся неопубликованным. В это время Пушкин начинает печатать на страницах газеты небольшие тексты подобного рода, известные под редакторским заглавием «<Заметки и афоризмы разных годов>»: «Острая шутка не есть окончательный приговор...» (15 фев., № 10), «В одной из Шекспировых комедий...» (25 фев., № 12) и «Мильтон говаривал...» (17 марта, № 16) (их автографы неизвестны).

Далее в тетради вырваны по крайней мере три листа, от которых сохранились только корешки. Возможно, здесь находился несохранившийся автограф рецензии на вышедший в октябре 1829 года первый том «Истории русского народа» Н. А. Полевого, состоящей из двух частей («Статья I» и «Статья II»). Первая из них напечатана 16 января в четвертом номере «Литературной газеты», вторая — 25 февраля в двенадцатом номере (обе без подписи). В этом случае становится понятным, почему Пушкин перешел к работе над заметками в другом конце тетради: закончив первую статью, он, скорее всего, оставил место для продолжения рецензии. Если это предположение верно, тогда его первая статья написана после заметки «<О журнальной критике>» не ранее 8-го и не позднее 14 января 1830 года. Уже 13–15 января Сомов обращался к цензору Сербиновичу: «Покорнейше вас прошу, милостивый государь Константин Степанович, потрудиться просмотреть доставленную нам статью об „Истории“ Полевого. Из этой статьи публика отчасти ознакомится с духом „Литературной“ газеты“; мы помещаем ее в 4-м №, который выходит в четверг».¹⁹ Вторая статья о первом томе «Истории» Полевого создавалась, по-видимому, в феврале, не позднее 24-го (дата цензурного разрешения № 12). Следующие записи в этой части тетради сделаны уже весной: неопубликованное «<Письмо к издателю „Литературной газеты“>» (л. 32–33) написано в ответ на статью Вяземского «Несколько слов о полемике», опубликованную 27 марта в № 18 «Литературной газеты». Значит, его можно датировать временем не ранее 27 марта и не позднее 3 мая (л. 34 занят черновиком письма к А. Н. Гончарову от 3 мая 1830 года).²⁰

Однако вернемся к более ранним заметкам, работа над которыми продолжилась, как было сказано выше, в другом конце тетради в перевернутом положении. В этой части Пушкин составлял одновременно две заметки для пятого номера газеты. Сначала он набросал отзыв на роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (л. 99 об. — 98) и заметку по поводу предстоящего появления в печати «Записок» французского палача Ш.-А. Самсона (л. 97 об. — 96 об.).²¹ После этого он вернулся к доработке рецензии на роман Загоскина, дополнив ее текст двумя вставками (одна — на листе с текстом начала черновика «<О „Записках“ Самсона>», другая — на обороте листа с его окончанием). «Юрий Милославский» вышел в свет в первых числах января. Так, 4 января 1830 года А. А. Шаховской писал Загоскину, что утром, получив экземпляр его нового романа, отправился к гр. Вл. А. Мусину-Пушкину на обед с литераторами. Там он встретил В. А. Жуковского, не спавшего «вчера всю ночь, от чего же? Всё то же от твоего романа, который он получил, развернул, хотел прочесть начало и, не сходя с места и не ложась спать, не мог не прочесть всех трех

¹⁸ Я. Л. Левкович датирует статью «5–9 января» 1830 года (Там же).

¹⁹ Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830–1837. СПб., 2010. С. 13.

²⁰ Датировка Я. Л. Левкович: «апрель (не позже 3 мая)» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 277).

²¹ Публикация, анонсированная французскими журналами, оказалась мистификацией О. де Бальзака и Л.-Ф. Леритье (см.: Вольперт Л. И. Бальзак // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 60).

томов».²² Шаховской также сообщал, что «граф Пушкин с утра уж его начал читать, а просто Пушкин вчера взял его у Жуковского».²³

Таким образом, Пушкин не мог приступить к отзыву до 4 января, но, скорее всего, это произошло после завершения статьи «<О журнальной критике>» и рецензии на первый том «Истории русского народа» Полевого, т. е. не ранее 9 января. Обе пушкинские заметки (о романе Загоскина и записках Сансона) опубликованы без подписи в пятом номере «Литературной газеты» от 21 января (цензурное разрешение получено 20 января). Однако в данном случае есть основание для сужения датировки: «<О „Записках“ Самсона>» была известна в окружении поэта еще до выхода пятого номера, что следует из письма И. В. Киреевского к родным от 15 января 1830 года. Призывая их подписаться на «Литературную газету», он отмечал, что «это будет газета достоинства европейского, большая часть статей в ней будет писана Пушкиным, который открыл средства в критике в простом извещении о книге быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах. В его извещении об исповеди амстердамского палача²⁴ вы найдете, как говорит Жуковский, и ум, и приличие, и поэзию вместе».²⁵ Соответственно, оба текста — «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» и «<О „Записках“ Самсона>» — были написаны не ранее 9-го и не позднее 14 января 1830 года.²⁶

Заметка «<О „Разговоре у княгини Халдиной“>», черновик которой находится в тетради на л. 95 об. — 95, создана в ответ на появившийся 23 января в «Северной пчеле» выпад Булгарина,²⁷ подвергнувшего сомнению авторство Д. И. Фонвизина в связи с публикацией в третьем номере «Литературной газеты» его «Разговора у княгини Халдиной».²⁸ Пушкинская заметка напечатана без подписи 31 января в седьмом номере, цензурное разрешение которого получено 30 января; датировать ее можно временем не ранее 23-го и не позднее 30 января 1830 года.²⁹

Следующие листы в тетради (л. 93 об. — 91) заняты наброском «Вы так откровенны и снисходительны...» (разговор русского с испанцем), написанным предположительно 23–28 января. В собраниях сочинений Пушкина его помещали как самостоятельный фрагмент художественной прозы³⁰ или интерполировали в текст повести «Гости съезжались на дачу...» (1828).³¹ Оба решения представляются некорректными, поскольку публицистический характер наброска в форме диалога,³² затрагивающего тему русской аристократии, и его положение в тетради позволяют интерпретировать его как несостоявшуюся заготовку для публикации в «Литературной газете».

На листах, вырванных далее из тетради (от них сохранились корешки: л. 90а — 90 д), возможно, находилась пушкинская рецензия «Денница. Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем» либо «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (опубликованы в восьмом и десятом номерах); их автографы неизвестны.

²² Лит. наследство. Т. 58. С. 93.

²³ Там же.

²⁴ И. В. Киреевский перепутал «Записки», вышедшие под именем французского палача Ш.-А. Сансона, с мелодрамой Р.-Ш. Гильбера де Пиксерекура и В. Дюканжа «Польдер, или Амстердамский палач» (М., 1829).

²⁵ Уткинский сборник. М., 1904. С. 51.

²⁶ Я. Л. Левкович датирует «<О „Записках“ Самсона>» «10–20 января» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 277).

²⁷ См.: Северная пчела. 1830. 23 янв. № 10.

²⁸ См.: Литературная газета. 1830. Т. 1. 11 янв. № 3. С. 17–20.

²⁹ Датировка Я. Л. Левкович: «25–30 января» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 271), и ошибочно в конце статьи (в общем хронологическом перечне пушкинских произведений): «25–30 января — февраль (не позже 14-го)» (Там же. С. 277).

³⁰ См.: Пушкин А. С. 1) Полн. собр. соч. / Изд. Я. А. Исакова; под ред. Г. Н. Геннади. 2-е изд. СПб., 1871. Т. 5. С. 80–81; 2) Соч. / Изд. Я. А. Исакова; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 4. С. 395–397; 3) Полн. собр. соч. / Изд. В. В. Комарова; под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1887. Т. 4. С. 358–360.

³¹ Начиная с собрания сочинений Пушкина 1887 года под редакцией П. О. Морозова (Т. 4. С. 366–368) набросок традиционно включался в текст повести «Гости съезжались на дачу...».

³² Критические и публицистические высказывания, построенные в форме диалога, были типичны для эпохи. Ср., например, пушкинские «<Разговор о критике>» (1829–1830) и «<Альманашик>» (1830).

Работа над заметками «<О статьях князя Вяземского>» (напечатана в десятом номере) и «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» (в двенадцатом номере) проходила одновременно. Сперва Пушкин начал на л. 90 об. текст в защиту Вяземского, поводом для которого стала резкая критика его высказываний о современной литературе и журналистике³³ Полевым в «Московском телеграфе»³⁴ и Булгариным в «Северной пчеле».³⁵ Однако Пушкину не терпелось ответить еще одному литературному оппоненту — С. Е. Раичу, обвинившему Дельвига в приверженности «духу партии, которая в литературе не должна быть терпима»,³⁶ ошибочно приняв его за автора пушкинского хвалебного отзыва о вышедшей в переводе Н. И. Гнедича «Илиады». Оставив «<О статьях князя Вяземского>», поэт стал набрасывать на свободном месте л. 91 «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>», но затем вновь продолжил полемику с оппонентами князя Вяземского. Закончив ее, он написал заметку «О дамах» (л. 88–87 об.), которую так и не напечатал в «Литературной газете»,³⁷ и наконец завершил «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» (л. 87 об. — 87).

К работе над статьей в защиту Вяземского, учитывая сроки доставки журнала «Московский телеграф» в Петербург (около четырех дней) и выхода № 12 «Северной пчелы», Пушкин приступил не ранее 28 января. В «Литературной газете» он опубликовал не статью целиком, а только ее начало.³⁸ «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» не могло появиться в тетради до 29 января (четвертый номер «Галатеи» с выпадом С. Е. Раича вышел в свет в Москве 25 января³⁹). Однако уже 4 февраля по просьбе нового цензора «Литературной газеты» Н. П. Щеглова⁴⁰ состоялось заседание Петербургского цензурного комитета в связи с «<Объяснением по поводу заметки об „Илиаде“>».⁴¹ Н. К. Замков справедливо уточнил, что считать временем написания «<Объяснения...>» следует «последние числа января 1830 г., так как еще до заседания Цензурного комитета 4-го февраля Щеглов отсылал заметку Пушкину для изменения отмеченной им фразы» и получил ее обратно в том же виде.⁴² Разрешение на публикацию «<Объяснения...>» было получено лишь 24 февраля, и уже 25-го оно появилось в № 12 «Литературной газеты».

Исходя из вышесказанного, «<О статьях князя Вяземского>» можно предположительно датировать не ранее 28-го и не позднее 30 января,⁴³ «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» — не ранее 29-го и не позднее 31 января,⁴⁴ «О дамах», создавав-

³³ Они содержались в статье «Отрывок из письма А. И. Г<отовцев>ой», опубликованной в альманахе «Денница» на 1830 год (М., 1830. С. 122–134).

³⁴ См.: Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 1. С. 79–81. Этот номер вышел в свет 23 января (см.: Пушкин в прижизненной критике: 1828–1830. СПб., 2001. С. 218).

³⁵ См.: Северная пчела. 1830. 28 янв. № 12.

³⁶ Галатея. 1830. Ч. 11. № 4. С. 229.

³⁷ Позднее эта заметка войдет в «Table-talk», но при жизни Пушкина так и не будет опубликована.

³⁸ В Большом академическом собрании сочинений Пушкина было принято неверное решение печатать продолжение «<О статьях князя Вяземского>» как отдельную заметку под заглавием «<О новейших блюстителях нравственности>» (см.: 11, 98–99); на то, что отрывок «представляет собой не напечатанное Пушкиным продолжение <...> заметки: „О статьях кн. Вяземского“», было указано в списке дополнений и исправлений к т. 11 в так называемом справочном томе этого издания (17, 61).

³⁹ См.: Московские ведомости. 1830. 25 янв. № 8.

⁴⁰ Н. П. Щеглов был назначен цензором «Литературной газеты» начиная с шестого номера.

⁴¹ См.: Замков Н. К. К цензурной истории произведений Пушкина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1918. Вып. 29–30. С. 51–52; см. также: Александр Сергеевич Пушкин: Документы к биографии. 1830–1837. С. 25.

⁴² Замков Н. К. К цензурной истории произведений Пушкина. С. 53.

⁴³ Я. Л. Левкович датирует заметку «<О статьях князя Вяземского>» «февралем, не позже 14-го» (Левкович Я. Л. Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 841. С. 271) и ошибочно в общем хронологическом перечне пушкинских произведений (под заглавием «<О новейших блюстителях нравственности>») «25–30 января — февраль (не позже 14-го)» (Там же. С. 277).

⁴⁴ «<Объяснение по поводу заметки об „Илиаде“>» датируется Я. Л. Левкович «февралем, не позже 24-го» (Там же. С. 271, 277).

шуюся явно для «Литературной газеты», но оставшуюся неопубликованной, — 30–31 января 1830 года.⁴⁵

Стоит подчеркнуть две закономерности, характерные для пушкинских заметок этого времени. Во-первых, все они, кроме «<Объяснения по поводу заметки об „Илиаде“>», помещены в «Литературной газете» Пушкиным без подписи. Во-вторых, поскольку черновики заметок в Первой арзрумской тетради отличаются (иногда значительно) от опубликованного текста, можно предположить, что до нас не дошли их беловые автографы, которые отдавались переписчику или, в случае их небольшого объема, напрямую цензору.

Для Пушкина как автора и издателя (в отсутствие Дельвига) самой интенсивной оказалась работа в первые полтора месяца существования «Литературной газеты», хотя и впоследствии он продолжал ее поддерживать. Не случайно в письме к П. А. Плетневу из Болдина (около (не позднее) 29 октября 1830 года) Пушкин шутил: «...он (Дельвиг. — С. Ф.) уж может заказать виньетку на дереве — изображающую меня голинького, в виде Атланта, на плечах поддержки<ва>ющего „Лит<ературную> газету“» (14, 118).

⁴⁵ Датировка заметки «О дамах», указанная Я. Л. Левкович в общем хронологическом перечне пушкинских произведений, явно ошибочна: «25–30 января — февраль (не позже 14-го)» (Там же. С. 277).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-2-79-89

© Н. А. Паршукова, © Е. А. Романова

«ВЕЧНАЯ ТЬМА» СЕБАСТЬЯНА БАХА: РАСПЛАТА ИЛИ РАСПРАВА? (К ИСТОКАМ ИДЕЙНОГО ЗАМЫСЛА НОВЕЛЛЫ В. Ф. ОДОЕВСКОГО «СЕБАСТИЯН БАХ»)

Из четырех новелл¹ задуманного В. Ф. Одоевским в начале 1830-х годов цикла «Дом сумасшедших»² рассказ о Себастьяне Бахе, пожалуй, более других нуждается в дополнительных комментариях. Почему так жестоко обошелся автор «с тем, кого почитал одним из самых совершеннейших творцов? Почему придумал ему такую страшную, такую беспощадную биографию?»³ Эти вопросы, некогда поставленные отечественным литературоведением, до сих пор, на наш взгляд, не получили убедительного разрешения. Между тем без ответа на них невозможно приблизиться к пониманию главной идеи не только отдельно взятой новеллы, но и всего литературного ансамбля в целом.

«Себастьян Бах» — последняя из известных нам повестей, которую Одоевский предназначал специально для «Дома сумасшедших».⁴ Написанная и опубликованная позднее других, она, по сути, являет итоговые размышления автора о природе гениальности и роли гениальных безумцев в разрешении фундаментальных вопросов бытия.

О том, что фигура Баха занимает в цикле особое место, исследователи писали неоднократно. По сравнению с персонажами предшествующих новелл Бах, очевидно,

¹ «Последний квартет Бетховена» («Северные цветы», 1830), «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» (Там же, 1831), «Импровизатор» («Альциона», 1833) и «Себастьян Бах» («Московский наблюдатель», 1835).

² Данный проект так и не был осуществлен автором. Позднее все четыре произведения вошли в состав философского романа «Русские ночи» (1844).

³ Турьян М. А. «Странная моя судьба...»: О жизни В. Ф. Одоевского. М., 1991. С. 262.

⁴ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Май. Кн. 1. С. 55–112. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.